

Самарин Дмитрий Александрович

ЧАСТЕРЕЧНЫЙ СТАТУС МЕЖДОМЕТИЯ В ВОЗЗРЕНИЯХ В. А. БОГОРОДИЦКОГО И Л. В. ЩЕРБЫ

В статье представлены интерпретации частеречной принадлежности междометия В. А. Богородицким и Л. В. Щербой. В процессе анализа выявлено сходство в понимании обоими русскими лингвистами роли данной разновидности слов в формировании человеческого языка. В то же время установлено принципиальное различие подходов В. А. Богородицкого и Л. В. Щербы по вопросу включения междометия в состав частей речи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 169-171. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8

В статье представлены интерпретации частеречной принадлежности междометия В. А. Богородицким и Л. В. Щербой. В процессе анализа выявлено сходство в понимании обоими русскими лингвистами роли данной разновидности слов в формировании человеческого языка. В то же время установлено принципиальное различие подходов В. А. Богородицкого и Л. В. Щербы по вопросу включения междометия в состав частей речи.

Ключевые слова и фразы: междометие; часть речи; частеречный статус; культура; эмоциональные слова; звукоподражание.

Самарин Дмитрий Александрович, к. филол. н.

Байкальский государственный университет (филиал) в г. Якутске
dsamarin2011@yandex.ru

ЧАСТЕРЕЧНЫЙ СТАТУС МЕЖДОМЕТИЯ В ВОЗЗРЕНИЯХ В. А. БОГОРОДИЦКОГО И Л. В. ЩЕРБЫ

Междометие представляет собой часть речи, включающую неизменяемые слова, обычно морфологически неделимые и выступающие в речи как односоставные предложения, служащие для выражения эмоций (радости, удивления, раздражения, боли и т.п.), чувств и других реакций. Неизменяемыми словами являются и звукоподражания, которые своим звуковым составом воспроизводят звуки, издаваемые людьми, животными или предметами. Несмотря на связь со звукоподражаниями, междометия являются отдельной, хотя и очень специфической, частью речи с сигнальной функцией.

Исследованием междометий с давних пор занимаются как отечественные, так и зарубежные лингвисты, но единого мнения об их природе и включении в число частей речи пока нет. Особый интерес представляет интерпретация междометий в грамматических концепциях В. А. Богородицкого (1857-1941) и Л. В. Щербы (1880-1944). На их взгляды повлияли теории Ж.-Ж. Руссо (1712-1778) и Ф. Энгельса (1820-1895), отводившие роль начал языка эмоциональным и трудовым выкрикам. Современник французского философа, историк эпохи Просвещения Ш. де Бросс (1709-1777) утверждал: «Язык ребёнка, прежде чем он смог бы произнести какое-то слово, весь состоит из междометий» [10, р. 228]. Через них дети пытаются выразить свои ощущения. Соответственно, междометия, хотя и не сочетаются с другими частями речи, служат для характеристики действий или ощущений. На примере междометий хорошо видна связь между филогенетической и онтогенетической лингвистикой.

В. А. Богородицкий придерживался культурологического подхода к происхождению языка, связывая его зарождение с эволюцией культуры. Единицами, находившимися у истоков формирования языка, он считал междометия. Очевидно, что в этом вопросе учёный следовал мнению А. А. Потебни (1831-1891). Связывая происхождение языка животных и людей с рефлексом чувств, в книге «Мысль и язык» тот заявлял: «Вообще нельзя себе представить другого источника звукового материала языка» [5, с. 96]. Подобным образом В. А. Богородицкий в «Общем курсе русского грамматик» писал: «Междометия по происхождению представляют собой рефлекторные звуки, вызываемые тем или другим сильным эмоциональным состоянием, напр. чувством боли, радости и т.п., а в последующем развитии языка они становятся словесными восклицательными символами, выражающими эмоции» [4, с. 278]. Эти символы служили для обозначения предметов или явлений реальности, а к аффектам прибавлялись и звуковые подражания.

Аналогичную позицию в вопросе происхождения языка, несомненно, занимал и Л. В. Щерба. Развитие языка он также связывал с ростом культуры. Эту тенденцию отчётливо демонстрирует его статья «О диффузных звуках». В ней учёный писал: «Совершенно естественно думать, что на заре человеческой речи несколько внеязыковых звуковых жестов человека, начинавших употребляться с речевыми намерениями, были сложными артикуляциями (комплексами артикуляций – одновременных и последовательных) и при своей малочисленности не образовывали системы по своим сходствам и различиям друг с другом, а потому, не разлагаясь на звуковые элементы, противопоставались друг другу целиком и являлись, таким образом, “словозвуками”, если можно так выразиться» [8, с. 149]. Под этими звуками имелись в виду эмоциональные символы или междометия. По мере усложнения отношений между людьми происходила дифференциация символов, употреблявшихся в начальный период формирования общества, а также расширялась сфера их употребления. Они постепенно эволюционировали вместе с их создателями.

В. А. Богородицкий диалектически подходил к выделению частей речи. В 11-ой лекции «Морфологический анализ слов в психологическом освещении» он писал: «Прежде всего они группируются в два наиболее крупных раздела: 1) слова, служащие для обозначения умственных представлений и 2) слова эмоциональные» [2, с. 158]. В первый раздел входят 11 частей речи. А к эмоциональным словам относятся междометия. Это неравномерное деление частей речи на две группы, несомненно, находилось под влиянием идей А. А. Потебни, различавшего междометия и собственно слова. Первые из них он относил к сфере выражения чувств: «По тону, язык междометий, подобно мимике, без которой междометие, в отличие от слова, во многих случаях, вовсе не может обойтись, есть единственный язык, понятный всем» [5, с. 91]. Это универсальное качество междометий позволяет противопоставлять их другим частям речи.

Подобно В. А. Богородицкому, Л. В. Щерба также делил части речи на две категории, но знаменательных и служебных слов. В статье «О частях речи в русском языке» он писал: «Так как довольно многие слова употребляются или могут употребляться синтаксически обособленно, то категория междометий, будучи вполне отчетливой в ярких случаях, является, в общем, довольно расплывчатой» [9, с. 82]. Ввиду синтаксической обособленности междометий учёный отграничивал их от двух выделенных им категорий слов [7, с. 834]. Очевидно, при этом Л. В. Щерба не до конца учитывал возможности междометий. Ведь они могут исполнять роль и знаменательных частей речи и выступать в роли подлежащего в предложении.

С междометиями тесно связаны звукоподражания. На это в статье «Об ударении в склонении звукоподражательных существительных мужского рода в русском языке» указывал В. А. Богородицкий, характеризуя слова типа *визг*, *гул* и *крик*. Он подчёркивал их место в процессе антропогенеза: «Звукоподражательность играла роль и при первобытном языковом творчестве» [3, с. 209]. Звукоподражания имеются во всех языках, прежде всего, проявляясь в детской речи. Как и А. А. Потебня, В. А. Богородицкий приравнивал первые слова к предложениям, в которых соединялись идеи субъекта и действия. Он считал, что затем они разделились: «Постепенно мысль человека приобретала большую отчётливость и наконец, стала расчленяться на представление субъекта действия и самого действия, вызывая появление новых языковых способов выражения такой уже расчленённой мысли» [2, с. 142]. В праязыке исследователь видел начало эволюции языков и диалектов.

Специфику классификации казанского учёного представили в пособии «Грамматика. Морфология. Именные части речи» Е. А. Анисимова и И. Н. Кавинкина. В нём они подчеркнули стремление В. А. Богородицкого вопреки линейному принципу расположения частей речи изобразить их более детальную иерархию. Они замечали: «К сожалению, этот значительный шаг в направлении к иерархическому представлению системы частей речи как общеграмматическому явлению не получил должного понимания и развития» [1, с. 112-113]. Поэтому представление В. А. Богородицкого о системе частей речи ещё ждёт своего признания и применения в будущем. В разделе «Морфология» названного пособия междометия соединены со звукоподражаниями как квазислова, не обладающие главным признаком слов – лексико-грамматическим значением. Так что принципиального различия между этими категориями его авторами не было сделано.

В отличие от В. А. Богородицкого, Л. В. Щерба испытывал сильные сомнения насчёт статуса междометий, считая их очень неясной категорией [6, с. 157]. Учёный обращал внимание на их формальный признак – полную синтаксическую изоляцию и отсутствие связей с прежними и следующими элементами в речи. По его мнению, эту черту междометий ярко передают примеры вроде «*Ай-ай!*», «*Ах!*» и «*Ура!*». В упомянутой выше статье он указывал: «Само собой разумеется, что так называемые звукоподражательные *мяу-мяу*, *вау-вау* и т.п. нет никаких оснований относить к междометиям» [9, с. 82]. Действительно, существует проблема отграничения междометия как части речи от звукоподражания. Впрочем, сам учёный предлагал сравнивать междометия с внеязыковыми звуками, которые могли быть причиной их появления. Но ведь к ним относятся и подражания. Этот момент показывает, что рассуждения Л. В. Щербы были не лишены эклектизма.

В статье «*Les interjections chez L. V. Ščerba*» Е. Велмезова отмечала синхронизм теории частей речи у ленинградского учёного. Она подчёркивала, что на его отношение к этой категории повлияли взгляды О. Есперсена (1860-1943), который «не выделял междометия в качестве отдельной части речи» [11, р. 217]. Таким образом, руководствуясь теорией датского лингвиста, в своей характеристике междометий Л. В. Щерба настаивал на их неопределённости для носителей русского языка.

Итак, представления В. А. Богородицкого и Л. В. Щербы о природе междометий и их месте в системе грамматики имеют как сходства, так и различия. Оба учёных рассматривали междометия в связи с их эмоциональной функцией и ролью в формировании языка. Но если первый из них непосредственно относил междометия к частям речи (один из двух разделов), то у второго они находятся за их пределами, не входя ни в знаменательные, ни в служебные слова. В. А. Богородицкий резко не отграничивал междометия от звукоподражаний, Л. В. Щерба же не совсем последовательно стремился их разъединить. Тем не менее, идеи обоих исследователей о сущности междометий вносят значимый вклад в общую морфологическую теорию.

Список литературы

1. Анисимова Е. А., Кавинкина И. Н. Грамматика. Морфология. Именные части речи: пособие. Гродно: ГрГУ, 2009. 123 с.
2. Богородицкий В. А. Лекции по общему языковедению. Изд-е 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 312 с. (Лингвистическое наследие XX века).
3. Богородицкий В. А. Об ударении в склонении звукоподражательных существительных мужского рода в русском языке // Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. Изд-е 5-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 208-210. (Лингвистическое наследие XX века).
4. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики: Из университетских чтений / вступ. ст. В. К. Журавлёва, И. В. Журавлёва. Изд-е 7-е. М.: Едиториал УРСС, 2011. 576 с. (Лингвистическое наследие XX века).
5. Потебня А. А. Мысль и язык. Изд-е 2-е. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1892. VI+228 с.
6. Самарин Д. А. Методологические особенности концепции активной грамматики Льва Владимировича Щербы: дисс. ... к. филол. н. Иркутск: Иркутский гос. лингвистический ун-т, 2010. 212 с.
7. Самарин Д. А. Части речи в грамматических концепциях В. А. Богородицкого и Л. В. Щербы // В мире научных открытий. 2014. № 11.1 (59). С. 829-849.

8. Щерба Л. В. О «диффузных» звуках // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность: сборник работ. Изд-е 2-е, стереот. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 147-149.
9. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность: сборник работ. Изд-е 2-е, стереот. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 77-100.
10. **Brosses Ch. de.** Traité de la formation mécanique des langues et des principes physiques de l'étymologie: 2 volumes in-12. Paris: Chez Saillant; Vincent; Desaint, 1765. Т. I. LIX+1+489+1 p.
11. **Velmezova E.** Éléments primaires du langage humain ou catégories psycholinguistiques propres aux langues? Les *interjections* chez L. V. Ščerba // Cahiers de l'ILSL. 2008. No. 24. P. 211-222.

**PART OF SPEECH STATUS OF INTERJECTION IN THE VIEWS
OF V. A. BOGORODITSKY AND L. V. SHCHERBA**

Samarin Dmitrii Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
Baikal State University (Branch) in Yakutsk
dsamarin2011@yandex.ru

The article presents the interpretations of part of speech attribute of interjection by V. A. Bogoroditsky and L. V. Shcherba. In the process of the analysis the similarity in understanding the role of this variety of words in the formation of the human language by both Russian linguists is revealed. At the same time the fundamental difference of approaches by V. A. Bogoroditsky and L. V. Shcherba on the issue of inclusion of interjections into the structure of parts of speech is established.

Key words and phrases: interjection; part of speech; part of speech status; culture; emotional words; onomatopoeia.

УДК 81-367

В статье рассматривается вопрос о метаязыке описания структурных схем предложений в отечественной лингвистике. Указывая на достоинства и недостатки имеющихся метаязыков описания, автор выступает сторонником обозначения компонентов схем с использованием местоименных слов, конкретной и отвлеченной глагольной лексики, указателей падежей. В качестве иллюстрации заявленной позиции служит разработанный для конкретной группы структурных схем предложений (с семантикой «состояние природы») метаязык описания.

Ключевые слова и фразы: предложение; языковая единица; знаковый характер; структурная схема; метаязык описания.

Селеменова Ольга Александровна, д. филол. н., доцент
Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
selemeneva1@rambler.ru

О МЕТАЯЗЫКЕ ОПИСАНИЯ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Учение о структурной схеме, восходящее к работам основоположника Пражской школы функциональной лингвистики В. Матезиуса, связано с проблемой знакового характера предложения. Известно, что любая языковая единица, хранящаяся в памяти человека, воспроизводится в уже готовом виде в нужный момент. Это правило не вызывает сомнений и неукоснительно действует по отношению к таким языковым единицам, как фонемы, морфемы, лексемы, фраземы. Взгляды же на природу предложения (как единицу языка или единицу речи) в науке кардинально расходятся. С одной стороны, предложение – «образование неопределенное, неограниченно варьирующееся; это сама жизнь языка в действии» [2, с. 139]. С другой стороны, «все без исключения своеобразные черты спонтанной разговорной речи» [1, с. 60] восходят к неким закрепленным структурам.

О роли синтаксических моделей в мыслительной деятельности и возможности их воспроизводимости писал в 1929 г. неогумбольдтианец Л. Вайсгербер, опирающийся на данные опытов немецкого психолога О. Зельца: «...Схемы предложений зачастую уже присутствуют до того, как будет найдено слово, то есть на очень раннем этапе формирования мысли» [6, с. 76].

По нашему мнению, Б. Ю. Норман абсолютно прав, когда утверждает, что определенным шаблонным фразам нас учат с детства: «Не случайно азбуки начинаются с “серийных” примеров типа: *У Маши машина. У Шуры шары...* И взрослый человек даже самой творческой натуры, разумеется, использует в своей речевой деятельности готовые грамматические схемы – модели предложений» [15, с. 36].

Интерес к исследованию структурных схем простых предложений возник в русистике в 60-80 гг. XX века. По сути это была «первая волна» активизации изучения структурных схем, связанная с существованием на синтаксической арене формально-грамматического и функционального направлений. Формально-грамматическое направление определило структурную схему как некий абстрактный образец, представленный предикативным ядром предложения, его главными членами – сказуемым и подлежащим. Такой подход к структурной схеме был подвергнут критике со стороны научного сообщества за иллюзорность, замещение реально